

Ван Сюань бережно прижимал к себе Сяогуая, провожая взглядом уходящего брата Гоуданя. Тот скрылся в лесной чаще в мгновение ока — буквально в несколько прыжков. Ван Сюань знал, что Гоудань невероятно ловок, но со временем его сила и выносливость, казалось, только росли. Не то что он сам: протащил Сяогуая совсем немного, а уже запыхался. Гоуданю же предстояло добежать до самого города, разыскать там дядю Ли Сы, а потом проделать весь этот путь обратно.

Немного отдышавшись, Ван Сюань принялся осматривать раненого пса. Своё искусство он унаследовал от покойного настоятеля храма, хотя обучение так и не завершил. Всё свободное время он проводил за рукописями, разбирая старые записи и до всего доходя собственным умом. Впрочем, талантом природа его не обделила: в лечении он уже понимал гораздо больше иных деревенских босоногих врачей. И всё же сказывалось отсутствие живого наставника. Некоторые секреты настоятеля оставались для него загадкой, посоветоваться было не с кем — Гоуданя медицинские премудрости совершенно не привлекали. Приходилось полагаться лишь на себя, так что действовал Ван Сюань во многом по-своему, не по канону.

Его приёмы разительно отличались от классической медицины. Опираясь на учение настоятеля, он постепенно выработал собственный, уникальный подход, свободный от рамок и шаблонов. И эта его самобытная методика уже начинала приносить первые плоды.

Ван Сюань осторожно ощупал тельце Сяогуая. Стоило пальцам коснуться ушибленного места, как пёс жалобно заскулил. Не будь он так предан хозяину, наверняка вырвался бы и убежал. А так лишь тихонько поскуливал, пока встревоженный Дагуай кружил рядом, не находя себе места от беспокойства.

Наконец пальцы наткнулись на повреждённый участок. Крови не было, но под шерстью вздулся плотный, багровый валик — явный след от сильного удара палкой. Ван Сюань нахмурился: похоже, пострадала кость, да и внутренние органы задело. Внутренние повреждения были неопасными и со временем зажили бы сами, а вот с костью предстояло повозиться. Густая шерсть мешала, а из-за того, что кожа осталась целой, травма была закрытой — обычную притирку так просто не нанесёшь.

— Сяогуай, хороший мой, не шевелись, — нежно зашептал Ван Сюань. — Потерпи маленечко, надо смазать рану, тогда всё пройдёт.

Он достал из пространственного кармана острые ножницы — те самые, которыми состригал драгоценный мех. Сяогуай, заметив блеск металла, испуганно заскулил.

— Не бойся, глупенький, я только состригу шерсть вокруг ушиба. Сначала очистим место, потом покроем мазью и перевяжем. А как лапка заживёт, так и шерстка новая отрастёт, ещё краше прежней.

На самом деле на душе у Ван Сюаня было беспокойно. Книг-то он перечитал немало, а вот применять знания на практике приходилось впервые. Он без умолку ласково ворковал с собакой лишь для того, чтобы унять собственную дрожь в руках и усыпить страх. Будь рядом

Гоудань, они бы хоть перемолвились словом, прикинули бы что к чему, а сейчас приходилось стиснуть зубы и действовать в одиночку.

Ван Сюань аккуратно выстриг шёрстку вокруг раны. Когда обнажилась багровая, налитая кровью гематома, резко выделявшаяся на бледной коже, у него болезненно сжалось сердце. Бедный Сяогуай... Неудивительно, что он не мог ступить на лапу и непрерывно скулил от невыносимой боли. При виде этой жуткой отметины Ван Сюань сердито подумал, что Гоудань слишком легко отпустил того мерзавца. Надо было приложить его посильнее, чтобы тоже повалился на больничной койке недельку-другую!

Чтобы пёс от острой боли не дёрнулся и не навредил себе ещё больше, Ван Сюань аккуратно зажал его голову под мышкой. Затем бережными, точными движениями принялся прощупывать мышцы и кости вокруг ушиба, дюйм за дюймом продвигаясь к самому очагу травмы. Чем ближе пальцы подходили к припухлости, тем сильнее дрожало тельце Сяогуая, а его мышцы судорожно сокращались. И всё же собака терпела и не пыталась вырваться, словно понимая: маленький хозяин пытается ей помочь.

Ощупывая повреждённое место, он постепенно определил характер и точные границы перелома. Без обезболивающего эта процедура превратилась в сущую пытку как для пациента, так и для лекаря. Убедившись в своих выводах, Ван Сюань аккуратно нанёс ровным слоем целебную мазь — одно из средств настоятеля, свойства которого он давно изучил. Затем, достав из кармана кусок мягкого шёлка, он раскроил его и бережно перевязал лапу, стараясь не стягивать слишком сильно, но и не оставляя повязку болтаться.

Закончив с перевязкой, Ван Сюань без сил повалился навзничь. Со лба его катился град, рубаха взмокла от пота. Сяогуай дышал тяжело и прерывисто, растратив последние силы. Из последних сил Ван Сюань влил псу в пасть несколько капель успокоительного отвара и растянулся прямо на сырой земле, совершенно не обращая внимания на грязь и прелую лесную подстилку.

Чувствительный нос Дагуая уловил резкий запах лекарств, поэтому он не стал подходить близко к сородичу. Отойдя чуть в сторону, с наветренной стороны, он устроился на траве. Поведя чуткими ушами, пёс прикрыл глаза. Вскоре под тихий шорох ветра, гулявшего в кронах деревьев, Ван Сюань и обе собаки провалились в глубокий сон. Они даже забыли про обед — пережитое потрясение и усталость взяли своё. Ван Сюань сквозь дрему подумал, что с тех пор, как они поселились вместе с Гоуданем, у них ещё не было столь суматошного и тревожного дня.

По дороге Гоудань зорко оглядывался по сторонам и чутко прислушивался к каждому шороху, не теряя бдительности. Мальчик впервые по-настоящему осознал, насколько опасен город и как легко здесь вляпаться в неприятности. Пусть сами они не искали ссор, беда порой находила их сама.

Он мчался по собственным следам, несколько раз путал повороты и возвращался назад, пока наконец не выбрался на верную дорогу. Увидев впереди знакомые очертания зданий, Гоудань припустил во всю прыть. Тем временем под раскидистым деревом в сильном волнении мерил

шагами землю его отец, Ли Сы. Солнце уже перевалило за полдень, а ребят всё не было. Скоро должна была подойти их очередь сдавать зерно и вставать на весы, а сыновья словно сквозь землю провалились. Ли Сы ругал себя на чём свет стоит: и зачем только отпустил их одних в такую кутерьму?

— Батя! — крикнул Гоудань, подбегая ближе.

Он резко затормозил перед Ли Сы, шумно отдуваясь и утирая пот со лба, после чего протянул ему узелок с едой:

— Держи, это тебе.

— Да где ж тебя носило, малец? — Ли Сы с облегчением выдохнул, но тут же обеспокоенно завертел головой по сторонам. — Я уж думал, сгинули где. А Ван Сюань где? И собаки?

— Спрятались они, — коротко ответил сын.

— Спрятались? — изумился Ли Сы. — Это ещё зачем?

— Да повстречался нам один живодёр, — насупился Гоудань. — Хотел Сюгуая забить на мясо. Мы еле вырвались, но пса он покалечить успел. Ван Сюань сейчас выхаживает его за городом, в укрытии. Опасаемся, как бы этот гад не выследил нас и делов не натворил.

— Батюшки... — Ли Сы от удивления даже руками развёл. — Да как же так? Посреди бела дня в городе собак крадут на мясо? И управы на них нет никакой?

— Да кому мы там нужны? — хмыкнул Гоудань. — Мы же для них чужаки, деревенщина.

Ли Сы вздохнул и мысленно согласился. Действительно, городские завсегда за своих горой стоять будут. Случись у них в деревне заварушка с пришлыми из соседнего колхоза, свои тоже первыми на выручку побегут, правы они или нет.

— Короче, батя, ты давай ешь побыстрее, — зашептал малец, воровато оглядываясь. — А если кто станет про нас спрашивать, делай круглые глаза. Мол, знать не знаю, ведать не ведаю. Скажи, ушли мы давно с кем-то из наших деревенских. Понял?

— Ладно-ладно, погоди, — закивал Ли Сы. — Сами-то сидите тихо и наружу не суйтесь. Как закончим тут со сдачей зерна, я на обратном пути вас окликну. Наша очередь как раз после обеда. Обратно-то налегке пойдём, быстро зашагаем, к ночи точно дома будем.

Для деревенских привычное дело отмахать пешком не один десяток вёрст. Сюда-то они шли весь день под тяжёлой ношей, а назад — пустые, налегке. За полдня управиться можно, а уж

коли на попутку повезёт сесть, так и вовсе вмиг долетят.

Гоудань согласно кивнул, зорко проверил, нет ли лишних глаз, оставил отцу флягу с водой да узелок с сытными ржаными лепёшками и юркнул в толпу.

Оставшись один, Ли Сы принялся за еду. Лепёшки эти пекли наполовину из отрубей; с пылу с жару они шли отлично, но за пару дней в дороге успели подсохнуть, начали крошиться и отдавать кислинкой. Впрочем, крестьянскому желудку не привыкать: Ли Сы не спеша жевал сухую корку, запивая её ключевой водой из фляги, и размышлял над сыновней историей.

Своего сорванца он знал как облупленного. Хоть Гоудань и рос парнем шепутным, без царя в голове, но первым в драку никогда не лез и попусту не задибался. Стало быть, и правда городская жизнь — штука мудрёная и небезопасная.

— Эй, Ли Сы, вернулся твой малец? — окликнул его один из односельчан.

— Да воротился, слава богу, — отозвался Ли Сы, приподняв узелок с едой. — Заблудился немного в этих каменных джунглях, едва дорогу назад отыскал.

— Ну и дела... Город — он и есть город, — вздохнул мужик, пристраиваясь рядом. — Народу тьма, улиц не счесть. Слышал я, мануфактура тут знатная в магазинах лежит, узоры яркие, да только где нам, сиволапым, её взять? Ни денег лишних, ни талонов на ткань. Разве что леденцов ребятишкам накопить на копейки, чтоб дома рты заткнуть.

— И не говори, тоска тут смертная, не по душе мне эти места, — подал голос другой крестьянин. — Городские жадные до невозможности. Попросишь у них ковшик воды напиться — так порог переступить не дадут. Нам вон пришлось бог весть куда тащиться к общественному колодцу, чтоб фляги наполнить.

— Дело тут не в жадности, — сплюнул сквозь зубы третий. — Просто брезгуют они нами. Для них мы — лапотники грязные. Смотрят, будто мы у них ложки серебряные украсть норовим. Тьфу, паскудно на душе от такого отношения.

— Да и пускай нос воротят! — злорадно усмехнулся первый. — Подумаешь, бары важные! Их-то изнеженные сынки да дочки сейчас у нас в деревне спины гнут на полях, навоз таскают наравне со всеми. Чем они лучше нас?

Ли Сы молча кивнул. И то правда. Среди этой городской «образованной молодёжи», что к ним в коммуну прислали, тоже хватало прохвостов — и кур таскали, и по чужим садам лазили. Не все они там чистенькие да благородные. Люди везде одинаковые: есть справные да совестливые, а есть шваль последняя, ничем не лучше их деревенских лоботрясов. Вон, докатились — чуть у детей собак среди бела дня на мясо не отобрали.

Ли Сы вполголоса пересказал мужикам то, что услышал от Гоуданя. Те так и ахнули:

— Ну и наглость! Совсем страх потеряли!

— Сын предупредил, что этот мерзавец может затаить злобу и начать вынюхивать про нас, — добавил Ли Сы. — Так что если кто чужой сунется с расспросами — стойте на своём: знать ничего не знаем.

Мужики дружно закивали. Опасения были не напрасными. Собаки у Гоуданя — загляденье: упитанные, лоснящиеся, шерсть лоснится на солнце — за версту видно, сколько в них сочного мяса. Недаром соседские бирюки тоже на них облизывались. Благо те псы оказались с характером: когда-то так знатно погоняли местных воришек по полям, версты две за ними неслись, скаля клыки, что у тех раз и навсегда отпало желание соваться к ребятам.

— Надо же, — покачал головой один из крестьян, — думал, в городе все прилично живут, а там свои живодёры водятся.

— Дак мясо же! — ухмыльнулся его сосед. — Городские-то по нему небось похлеще нашего сохнут, паёк-то небогатый.

Выполнив поручение, Гоудань умерил шаг. Он неторопливо шёл по улице, закинув руки за голову и подставив лицо тёплому ветру. Мальчик рассудил, что сейчас, когда при нём нет собак, опасаться нечего. С тем наглым типом и его девицей он уже разминулся, а больше в городе его никто не знал.

Тот хлыщ сейчас наверняка корчился на больничной койке — городские ведь жуть как дорожат своим здоровьем. Да и как его поймашь? Мало ли в округе крутится мальчишек? Для любого прохожего он — просто местный паренёк, гуляющий сам по себе.

Убедив себя в полной безопасности, Гоудань приободрился. Стоило использовать редкую возможность на полную катушку: осмотреть всё как следует, чтобы по возвращении домой было о чём приврать перед деревенской детворой. Рассказать про высокие дома, про нарядных горожан и, конечно же, про диковинные самодвижущиеся повозки на четырёх колёсах.

К слову, дела действительно пошли точь-в-точь по усмотренному Гоуданем сценарию. Побитый щёголь, перепугавшись за свою драгоценную шкуру, поспешил оформиться в стационар. Его сестрица выла у палаты так истошно, точно оплакивала покойных родителей, а вот зять — тот самый важный начальник из Революционного комитета — лишь постоял для виду пару минут и укатил восвояси. Ну в самом деле: нашкодили какие-то пришлые мальчишки, ни имён их, ни адреса никто не знает — где свистеть свисту ветра в поле? От этого шурина всё равно никакого толку, один вред да вечные хлопоты. К тому же времена нынче наступали смутные, обстановка в верхах накалялась, и чиновник спинным мозгом чувствовал, что былая власть уплывает из его рук и былая безнаказанность уже не гарантирована.

Собак в уезде держали немногие, хотя и редкостью они не были. Будь повод посерьёзнее, начальник, возможно, и задействовал бы свои рычаги, но марать руки из-за пустячной собачьей склоки ему не хотелось. И всё же, чтобы унять визгливую супругу, он небрежно велел подчинённым приглядываться на улицах к похожим по описанию пацанам. Разумеется, поиски эти велись спустя рукава, и никого, даже близко похожего на Гоуданя и Ван Сюаня, они так и не высмотрели.

Гоудань шагал припеваючи. Кто знает, когда ещё выпадет случай выбраться в уездный центр? Столько всего осталось неосмотренным — взять хотя бы тот же уездный кинотеатр, про который столько баек ходило в коммуне. Жаль, ноги уже сами несли его к окраине, за которой начинался тракт.

— Стоять! Милиция! Стой, кому говорят!

Гоудань так и подпрыгнул на месте. Оглянувшись, он увидел, что прямо в его сторону со всех ног мчатся несколько человек. Смертельно перепугавшись, малец мгновенно рванул с места. Сердце испуганной птицей заколотилось в груди, в ушах шумно зашумела кровь.

Однако, пробежав с десятков метров, он почуял неладное: преследователи даже не смотрели в его сторону. Вся кавалькада с криками свернула в соседний переулок. «Обознался, что ли?» — пронеслось в голове у Гоуданя. Он резко затормозил, взметнув облачко пыли, на мгновение задумался, а затем из чистого мальчишеского любопытства припустил следом за убежавшими.

Нагнать их не составило труда. Услышав за спиной топот, и милиционеры, и беглец мимоходом оглянулись — и оба лагеря опешили. Этот мелкий пакостник вёл себя из рук вон странно: сначала без оглядки припустил наутёк, заставив преследователей заподозрить в нём сообщника преступника, а теперь, когда его оставили в покое, сам увязался следом! Что это вообще за чудик?

Сам беглец тоже пребывал в полнейшем замешательстве. Заметив впереди бегущего мальчишку, он сперва обрадовался — решил, что подвернулся лихой подельник, на которого можно перевести внимание погони. Но, присмотревшись, разглядел обыкновенного деревенского шкета. Чтобы не путать карты, он нарочно вильнул в сторону, однако настырный малец упрямо последовал за ним. Это ещё что за новости?

<http://bllate.org/book/19654/1996714>